

УДК 811.161.1

Н.Д. Голев

МОТИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ¹

Статья посвящена концепции «Мотивационно-ассоциативного словаря русского языка», представляющего собой лексикографическое описание мотивационных ассоциаций, порождаемых словом при его восприятии и семантизации и полученных в результате направленного ассоциативного эксперимента, например, для слова-стимула ЗАЯДЛЫЙ получены следующие ассоциации: ЯД – 38 (из 100), ЯДОВИТЫЙ – 3, ЕДА – 1, ЯДЕРНЫЙ – 1, ЯЗВА – 1 и др. Рассматриваются теоретические предпосылки такого словаря и исследовательские возможности, которые он заключает.

Ключевые слова: Блинова О.И., мотивология, лексическая мотивация, внутренняя форма слова, мотивационные ассоциации, мотивационно-ассоциативный словарь.

Настоящая статья находится в парадигме **мотивологии** – одной из наиболее продуктивных областей лингвистического знания, разрабатываемой в теоретическом и лексикографическом отношении Ольгой Иосифовной Блиновой [1–9]. В словарной сфере эту парадигму образует параметр «способы репрезентации мотивационного значения». Мы выделяем несколько способов репрезентации значения (не только мотивационного, но и других его типов); среди них – дефиниционный, контекстный, отсылочный, ассоциативный и др. [10. С. 217–218]. В «Мотивационном словаре» О.И. Блиновой представлен в основном контекстный способ репрезентации (<...> *На горке девки вкруг вставали и ходили. Кругом ходили, песни пели*). В мотивологии известны попытки экспериментальной дефиниционной экспликации мотивационного значения, когда испытуемому задается прямой вопрос: почему, на его взгляд, так, а не иначе названо явление (см., например: [11]). В данной статье мотивационное значение рассматривается как результат «выхода» ассоциативного способа репрезентации, реализуемого в направленном ассоциативном эксперименте, например: слово-стимул ЗЛАЧНЫЙ дает словарной реакции ЗЛАК(и) – 23 реакции из 100, ЗЛО – 15, ЗЛАТО – 9, ЗЛОЙ – 7, ЗОЛОТОЙ – 2, ЗЛОСЧАСТНЫЙ – 1, ЗЛОВОННЫЙ – 1 и др. В ряде предшествующих работ автор настоящей статьи описал мотивационные ассоциации русских слов на материале наблюдений над живой речью носителей русского языка, в том числе диалектоносителей, художественными и публицистическими текстами [12–16]. В данной статье делается попытка получения больших массивов лексики русского языка для системного описания и словарного представления.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

В статье даны теоретическое обоснование необходимости описания мотивационных ассоциаций русских слов и очерк концепции словаря, осуществляющего их лексикографическое описание.

1

Прежде чем перейти к непосредственно лексикографической стороне вопроса, считаем необходимым сосредоточиться на общетеоретических аспектах феномена лексической мотивации, ставшего в последнее время весьма актуальным предметом лексикологических исследований (см., например: [17–35]), что связано с осознанием того, что внутренняя форма не просто «форма», а категория, связывающая форму и содержание, в результате чего она предстает (и перед носителем языка, и перед лингвистом), во-первых, формой оязыковлениия внеязыкового содержания (ономасиологический аспект) и значимой формой (семасиологический аспект), а во-вторых – не только фактом генезиса единиц – носителей внутренней формы, но и механизмом их непрерывного функционирования. Функциональная значимость явления мотивации предполагает изучение мотивационных отношений слов с точки зрения их речевой реализации. Речевые процессы, в свою очередь, должны быть рассмотрены с учётом их системной обусловленности. О.И. Блинова, с отсылкой на Ф. де Соссюра, замечает: «Сущность явления мотивации составляют мотивационные отношения слов, реализующие один из видов системных связей в лексике – вид ассоциативной связи» [6. С. 4], по Д.Н. Шмелёву – эпидигматической связи, основанной на взаимодействии формальной и семантической сторон слова. Привлечение внимания к звуковой форме лексемы, актуализация формальных связей лексемы в процессе языкотворческой деятельности, базирующейся на восприятии речи, вызывают эпидигматические ассоциации [37. С. 199]. Такие ассоциации являются и результатом действия системы на одно слово, и проявлением системонаправленных, системообразующих свойств звуковой стороны слова, глубинный уровень которых раскрывает положение В. фон Гумбольдта: «Естественно обозначать родственные понятия с помощью родственных звуков» [38. С. 90]. Таким образом, системность обусловлена речевой рефлексией не только на семантику слова, но и на его форму; система, в свою очередь, влияет на регулярное проявление мотивационных отношений в тексте и речи (на этом принципе, в частности, построены «Мотивационный диалектный словарь» и «Мотивационный словарь сибирского говора» под ред. О.И. Блиновой [6, 7].

Ранее, в статье «О природе мотивационных ассоциаций» [39], мы проанализировали те синхронно-функциональные факторы, которые наполняют феномен внутренней формы синергетическим содержанием, в результате чего она выступает органическим звеном непрерывного деривационно-мотивационного процесса. В дополнение к сказанному в этой статье о **синхронной** природе мотивации добавим и то, что важным элементом мотивационного ассоциирования является, по-видимому, и чувство **генетического** родства слов. Языковое сознание не отвлечено от представления о генетических связях слов. При этом важно подчеркнуть, что генетическая память о слове фиксируется в его звуковой форме. В ряде последних работ генетиче-

ская сторона слова не отделяется от его синхронного функционирования (В.И. Максимов, В.А. Кузнецова, И.С. Улуханов). В качестве иллюстрации проявления генетической памяти приведем наблюдение историка, показывающего воздействие на языковое сознание структурной мотивации (в том духе, в котором ее понимает О.И. Блинова): «Замечательно, что все первичные названия оканчиваются на «А»... Названия эти большей частью двусложные: ЛАЛА, ЛУЗА, ЮГА, ЛУГА, ЛАБА, ОКА, ШЕКСНА, ТОСНА, ИСТРА, СОСНА, МОСКВА, ДВИНА и т.д. Либо трехсложные (реже): ОНЕГА, СУХОНА, ПЕЧОРА, МОЛОГА, КОСТРОМА, ГАВОЛА и т.п. Причем, отметим особо, ударения во всех этих словах на первом слоге... Мы знаем, наверное, что еще в 19-ом веке старожилы говорили не МОСКВА, а МОСКВА, не НЕВА, а НЕВА. Чтобы убедиться, следует услышать ударение местного населения: ДЕСНА, а не ДЕСНА. Вологжанина передернет, когда он услышит «ВОЛОГДА» – он говорит: ВОЛОГДА, СУХОНА, ТОТЬМА, ВЫЧЕГДА, СЫСОЛА и т.д.» [40. С. 124].

Таким образом, ассоциации, вызываемые формой слова, глубинны и сущностны для языка, их выходы на поверхность связаны с пересечением многих плоскостей, где линии движения от сущности к явлению многократно преломляются, поэтому «следы» сущности в них неявны, требуют внимательного «всматривания» и осмысления с разных сторон. Трудно найти другую область в языкознании, кроме мотивологии, где сопрягались бы столь разноречивые видения и трактовки одного феномена – мотивации, внутренней формы слова: если мотивации – принадлежность формального плана или плана семантического, является ли мотивировочный признак существенным для выражаемого понятия, входит ли он в лексическое значение слова, способствует ли ощущение мотивации мышлению и/или общению, внутренняя форма – акт былого создания или явление, функциональное и в синхронии, этимологическое доверие – пережиток мифологического отношения к слову или необходимый атрибут языкового сознания носителей языка всех эпох, существует ли «третье» (мотивационно-деривационное) измерение лексики, есть ли специфика в его речевой функциональности – на каждый из этих принципиальных вопросов в литературе находится диаметрально противоположный ответ. Всё это является отражением сложного и противоречивого статуса мотивации в языке и речи: для каждого подхода находят свои фактические и теоретические обоснования. Соединение таких подходов, как известно, предполагает применение принципа дополнительности, на основе которого и сопрягаются взаимоисключающие модели описания такого рода феноменов.

Споры на эти и смежные темы ведутся с древнейших времён, достигая философских обобщений (достаточно вспомнить диалог Платона «Кратил» и диалогический трактат М. Хайдеггера «Путь к языку»), и остаются открытыми до сих пор. «Поверхностные» ассоциации имеют к ним отнюдь не косвенное отношение. Как только мы ставим вопрос не об отдельной форме и отдельном содержании, а о детерминации их единства (и о генезисе самого принципа единства-соответствия) – внешней, внутренней, объективной, субъективной, то эти ассоциации наполняются глубинным содер-

жанием. В этом смысле можно согласиться с Д.Н. Шмелёвым, выделившим третье, эпидигматическое, измерение лексики, которое формирует единство смысловых и словообразовательных ассоциаций, сливающихся «в одну ось значения слова («глубинную», если угодно, в дополнение к «вертикальной» – парадигматической и «горизонтальной» – синтагматической)» [37. С. 198–199].

Глубинная природа такого единства наиболее полно претворена в идее внутренней формы языка (и, в частности, слова) в учении В. Гумбольдта. Внутренняя форма в его понимании выступает как начало организации и звуковой материи знака и его семантики в цельный образ; с другой стороны, в качестве внутренней она стоит за всяким наблюдаемым образом как его подлинная сущность. Не случайно с обращением к исконной внутренней форме философы языка нередко связывают поиски внутренней сущности. Внутренняя форма слова выполняет и другую синтетическую роль – она создаёт единство слова как элемента номинативной и синтагматической деятельности (основная оппозиция в концепции Пражской лингвистической школы). Билатеральное единство слова – необходимость и следствие прежде всего номинативной деятельности, но слово предназначено для речи и является следствием речи и столь же необходимо должно быть синтагматичным. Синтагматическая ось внутренней формы – это прежде всего его мотивационные отношения, в которых одно слово следует вслед (и вследствие) другому (другого). «В ряду слов одного и того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [41. С. 13]. Номинативная ось выводит слово во внеязыковую сферу, связывает внеязыковое с языковым (абсолютный план внутренней формы) – синтагматическая ось – внутриязыковая, поскольку способы образования слова от слова – технические способы языка, лишь косвенным образом связанные с внеязыковым (относительный план внутренней формы). Другой аспект синтагматики внутренней формы – её морфемное устройство. Соединение морфем – синтагма (Л.Н. Мурзин), имеющая тема-рематическую структуру (Л.Н. Сахарный), некоторые функциональные особенности высказывания (например, возможность внутрисловного логического ударения).

Мотивационные отношения одновременно и синтагматичны (в особом смысле), и парадигматичны (вопреки мнению А.И. Моисеева), тоже в особом смысле. Мотивационная система – осложнённая синтагматика и парадигматика, с которыми у неё противоречивые отношения. Целое (лексическое) и составное (словообразовательное), непрерывное и дискретное, актуальное значение слова и значение формы сочетаются в слове не так, как в единицах более высокого ранга: менее однозначно и легко, слово возникает изначально как идиоматическая единица, «невыводимая» из морфем.

Противоречивый характер, ненаблюдаемость и факультативное действие внутренней формы затрудняют её функциональное описание в конкретно-исследовательском плане. Отсюда обилие метафорических характеристик или абстракций, приближённых к философским. А.А. Потеня сравнивает внутреннюю форму слова с глазом, который сам себя не видит. Она не толь-

ко намекает на значение, она даёт возможность в случае надобности остановиться на ней и «постепенно привести её в сознание, но позволяет и не останавливаться» [42. С. 18]; «знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия» [42. С. 128]. Способность знака намекать, быть представителем в языковом сознании в процессах речи – важнейшее функциональное свойство внутренней формы слова, пока недостаточно изученное. Речевое создание означаемого есть факт, но означаемое возникает вместе со словом, ибо первым свойством собственно языкового значения является выраженность, следовательно, нужно говорить о формировании в сознании именно единства означаемого и означающего; внутренняя форма и есть тот исходный «корень» (намёк, предощущение, образ) этого единства. Как писал А.Ф. Лосев, «в этимоне мы имеем первоначальный зародыш слова уже именно как слова, а не просто звука» [43. С. 633]. Причём в ассоциациях МАС отражается именно зарождение формы в процессе восприятия слов (языкотворческой деятельности).

Поскольку воспроизведение готового не исключает его творимости (в самом существе воспроизводимого заложена производимость), можно предположить, что генетически воспроизводимое лишь свёрнутое производимое, доведённое до автоматизма, но способное быть развёрнутым. Роль намёка, образа в таких спонтанных процессах увеличивается. «В языковом сознании должны быть запечатлены и модели слов. Все эти «отпечатки» слов, всех других единиц и фигур речи, локализующихся в мозгу и пребывающих в редуцированном виде, целесообразно вслед за Е.Н. Миллер рассматривать как языковую память, как базу для системного производства и воспроизводства речи...» [44. С. 28]. Спрессованность процесса выбора-создания-воссоздания слова, факультативность включения деривационно-мотивационного механизма по отношению к готовым словам делают незаметным постоянное действие внутренней формы слов. По В. Гумбольдту, внутреннюю форму слова нельзя наблюдать, но это лишь свидетельство её вездесущей мощи. В этимологии, в звукосимволизме (соответственно в мотивационных ассоциациях. – *Н.Г.*) «язык, казалось бы, показывает где-то в своих недрах своё собственное устройство, он на самом деле весь скрывается в этом показывании, а не там, куда он отсылает» [45. С. 65]. Развивая идеи этимологических разысканий А. Потебни, В.В. Биbihин замечает: «Внутренняя форма в любых её разновидностях – слишком универсальный и абстрактный принцип, чтобы лингвист, захваченный её перспективной, всерьёз и надолго остановил внимание на неуловимо ускользающем, как шелест листьев, звучании слова и столь же летучих веяниях смысла, которые этот шелест в нас будит» [45. С. 65]. Кажется, это высказывание могло бы претендовать на роль эпиграфа мотивационно-ассоциативного словаря, в котором серьёзность и глубина предмета скрыта за, казалось бы, играющими (игристыми, игривыми) бликами на волнах океана (такowymi кажутся ассоциации), вызванными глубинными течениями, связанными с волнами многократно опосредованными связями. «Звучья слова не случайны. Пусть связь речений далека – в них неразгаданная тайна всегда живого языка», – писал В. Брюсов.

Таким образом, формально-семантические ассоциации имеют сложную природу, определяемую неоднозначной детерминацией из глубины языковой системы и речевой деятельности, отчасти, очерченную в предыдущем изложении.

2

Всё вышесказанное делает актуальной задачу системного описания мотивационных ассоциаций и как одного из его проявлений – задачу составления мотивационно-ассоциативного словаря (МАС), являющегося относительно новым источником изучения языка и его функционирования, отражающего мотивационные связи слов при их функционировании в речи. Пробный вариант МАС на небольшом фрагменте русской лексики представлен в кандидатской диссертации О.Н. Пересыпкиной [32], выполненной под нашим руководством.

Создаваемый словарь является одной из разновидностей ассоциативных словарей. В настоящее время существует несколько ассоциативных словарей, цель которых – представление ассоциативного тезауруса современного русского языка. Наиболее известен среди них «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова (РАС) [46], созданный по результатам массового эксперимента с носителями русского языка. Составители словаря рассматривают его как модель речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, позволяющей объяснить феномен владения языком и служащей способом представления русского языка, языковой картины мира русских. Нельзя не согласиться с тем, что РАС имеет большое значение для решения задач, связанных с изучением русского языка, он даёт возможность изучить семантические закономерности, закономерность социализации, установить новые типовые ассоциативные связи, наиболее важные синтагматические связи. В этом словаре нашли отражение и мотивационные отношения слов (ПИСАТЬ – ПИСЬМО, ПЕТЬ – ПЕСНЮ). Однако они появляются в РАС спорадически. Актуализация таких отношений как ассоциативных требует более активной поддержки сознания, без чего функционирование мотивации в речи представляется необязательным, факультативным, а актуализация такого рода носит в большинстве случаев разовый характер, заслоняющий потенциальный аспект мотивационных функций.

Существует мнение, что организация слов в семантическом лексиконе не связана с их морфемно-мотивационным строением; место слова в семантическом лексиконе определяется не входящими в него морфемами, а его значением и другими семантическими характеристиками. РАС подтверждает этот тезис. Мы предполагаем, однако, что практически каждое слово является носителем мотивационных ассоциаций, поскольку обладает определённым потенциалом функционирования в роли мотивата и мотиватора. Но установка на свободное ассоциирование недостаточно сильна, чтобы его реализовать в полной мере. Ориентация на учёт плана выражения слова может возникнуть только под воздействием определённого коммуникативного задания, если того требуют цель высказывания, характер сообщаемой информации (создание эмоционально-экспрессивной образности, объяснение слов,

образование новых слов и др.). Направленная актуализация мотивационных отношений слова необходима говорящему для того, чтобы слушающий как можно более адекватно понял передаваемую информацию. Главное в естественном речевом акте – возбудить, актуализировать у адресата представление о мыслимой ситуации через известные адресату элементы.

Необходимо отметить и важную роль метаязыкового сознания, под которым мы понимаем определённую степень осознания носителями языка языковых явлений, когда языковые средства направляются на выяснение свойств самого языка. Актуализация такого рода направляет стремление говорящего преодолеть разобщённость слов, найти и осмыслить их связи. Большое значение для мотивологии представляет в этом отношении «Мотивационный диалектный словарь» под редакцией О.И. Блиновой, содержащий **текстовые** сцепления однокорневых и одноструктурных слов и демонстрирующий их речевую функциональность [5, 6]. Но речевое общение происходит в ситуациях, которые трудно непосредственно наблюдать и ещё труднее воспроизвести повторно. Поэтому можно исследовать упрощённую модель речевого общения. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы воспроизвести коммуникативный процесс под контролем экспериментатора. Лингвистический эксперимент позволяет направить языковое сознание информантов в нужное русло.

Все существующие ассоциативные словари построены на результатах свободного ассоциативного эксперимента, при котором фиксируется первый «пришедший в голову» ассоциативный ответ на слово-стимул. Направленные ассоциативные эксперименты отличаются тем, что информант работает со словом, отвлечённым от текста. (Мы полагаем, что актуализация системных отношений в словаре есть своеобразная рефлексия на текстовые связи слов.) «Инструкция создаёт у испытуемого определённую установку, в соответствии с которой ассоциативные процессы приобретают направленный характер» [47. С. 156].

Наши эксперименты основываются на создании таких условий, в которых языковое сознание специально ориентируется на морфемно-мотивационную структуру слова, так как лингвистическая задача МАС – исследование функционирования мотивационных отношений слов, реализующих деривационно-ассоциативную связь. В ходе эксперимента испытуемому предлагается в письменной или устной форме (форма текста не влияет на результаты эксперимента) следующий текст: «Практически любое слово имеет родственников, которых мы у него можем обнаружить, если вслушаемся в это слово. Например, в слове ОКОП нам слышится КОПАТЬ, КОЛОШМАТИТЬ – КОЛОТИТ, ВИХОР – ВИХРЬ. И всё это не случайно: ОКОП КОПАЮТ, а ВИХОР как бы взъерошен ветром, ВИХРЕМ».

Перед информантами ставился вопрос, какие родственные слова они слышат при восприятии анализируемых слов и могут ли они объяснить возникшие ассоциации, как это было сделано со словами ОКОП и КОПАТЬ, ВИХОР и ВИХРЬ. Они должны записать то слово или несколько слов, которые первыми «пришли им в голову». Метаязыковой компонент, таким образом, носит в эксперименте фоновый характер. В эксперименте принимают участие

люди, для которых русский язык является родным. Различия между ними (возрастные, социальные, профессиональные) несущественны для задачи выяснения наличия ассоциаций, их выяснение – предмет особого исследования.

На данном этапе работы картотека МАС включает в себя около 1500 слов, из них 700 были использованы в эксперименте с установкой в виде текста, содержащего примеры мотивационных отношений слов. Эта установка выбрана нами как первичная, основывающаяся на интуитивном ощущении мотивационных связей. Она наиболее удалена от актуализации метаязыковых центров, но тем не менее свойственные ей элементы метаязыковости, аналогии преодолевают незамечание формальной стороны слова, подавляемой в обычных условиях его употребления семантикой.

Если для РАС важно было представить активный словарный фонд, в котором зафиксированы доминантные понятия и связи между ними, то для создателей мотивационно-ассоциативного словаря интересны лексемы, способные к актуализации морфемно-мотивационного плана. Мы исходим из того, что каждое слово представляет собой мотивологическую гипотезу, которая базируется на позитивных и неоднозначных рефлексиях на это слово рядовых носителей русского языка. Поэтому в состав МАС вошли, во-первых, слова с «затемнённой» морфемной структурой; во-вторых, слова, содержащие в себе потенциал установления формально-семантической связи с другими словами. Оппозиция высокомотивированных и низкомотивированных слов также может найти отражение в словаре, но регулярное включение таких слов непродуктивно, так как первые тяготеют к однотипным ассоциативным реакциями, вторые систематически стимулируют отказы от ассоциаций. Иными словами, определенные свойства слова являются своеобразным **стимулом** для мотивационного ассоциирования, поэтому их подбор важен для МАС.

В нашей картотеке насчитывается около двух тысяч потенциальных слов-мотиваторов, кандидатов в слова-стимулы для эксперимента. Вот фрагмент картотеки: БАБОЧКА, БАГУЛЬНИК, БАЙБАК, баклажан, БАКЛУШИ, балаболка, БАЛАГУР, балакать, балалайка, БАЛАМУТ, БАЛАХОН, балбес, балясы, барабан, барабашка, баранка, барахло, баргузин, Бармалей, Барнаул, басурманин, БАРСУК, барышня, БАХИЛЫ, бахрома, башибузок, БЕГОНЯ, БЕГОТНЯ, БЕДЛАМ, бедокурить, БЕДОЛАГА, БЕЗАЛАБЕРНЫЙ, безбашенный, безмен, БЕЗУХАННЫЙ, БЕЛИБЕРДА, БЕЛКА, БЕЛОБРЫСЫЙ, БЕЛОКУРЫЙ, белорус, БЕЛЬМЕС, БЕЛЬМО, беляш, БЕРЛОГА, беседка, беспечный, беспутный, бесталаный, БЕСТИЯ, БЕСЧИНСТВО, БЕСШАБАШНЫЙ, БИГУДИ, биндюжник, благовоние, БЛАГОГОВЕТЬ, благодетель, благолепие, БЛАГОУХАННЫЙ, БЛЕЗИР, БЛИЗОРУКИЙ, бобр, богадельня, БОГАТЫРЬ, БОГЕМА, богомил, болонка, БОЛОНЬЯ, БОЛЬШЕВИК, боржом, борода, бородавка, БОЯРИН, боярка, БОЯРЫШНИК, БРЕЗГОВАТЬ, БРЕЗЖИТЬ, БРЕННЫЙ, бретелька, брешь, брудастый, брутальный, брусника, брюзжать, бубен, БУБНИТЬ, будировать, БУДОРАЖИТЬ, БУЕРАКИ, БУЖЕНИНА, бузина, бузить, БУЗОТЕР, БУЙВОЛ, букарашка, БУКАШКА, буквальный, букинист, булавка, булыжник, бульон, бур, бур, буран, бурдюк, БУРКАЛЫ, бурлак, буровить, БУРУН, бурундук, БУРЬ-

ЯН, бутуз, БУХАНКА, БУШЕВАТЬ, БУШЛАТ, БЫЛИНА, БЫЛИНКА (прописными буквами выделены слова, уже прошедшие апробацию в мотивационно-ассоциативном эксперименте).

Словарная статья МАС представляет слово-стимул (заглавное слово), формально-семантические ассоциации (ФСА), формально-семантические структурные ассоциации (ФСА-С), формальные ассоциации (ФА), семантические ассоциации (СА), число отказов испытуемых и общее число информантов, давших ответ на данный стимул. Слова-реакции на стимул расположены по мере убывания их частоты, если несколько реакций-ответов встречаются с одинаковой частотой, то внутри этой группы слова размещены в алфавитном порядке. Например, статья ЗАЧУХАННЫЙ на данном этапе эксперимента выглядит следующим образом.

ФСА (48)

чушка 18, чихать 6, чух 4, чукча 4, чумазый 2, замученный 2, чухонец 2, зачухнуть 1, зачухать 1, чахлый 1, чих 1, чуха 1, чухать 1, чухаться 1, чухня 1, чуча 1, чучело 1;

ФСА-С (4)

забитый 1, замусоленный 1, замухрышка 1, замызганный 1;

ФА (3)

нюхать 1, чмо 1, чулан 1;

СА (14)

грязный 2, грязь 1, измызганный 1, истрепанный 1, кухонный 1, неопрятный 1, неприятный 1, оборванный 1, потасканный 1, пьяница 1, свинья 2, старый 1, усталый 1.

ОТКАЗОВ – 31

ВСЕГО – 100

3

Рассмотрим некоторые исследовательские возможности информации, заключенной в МАС.

Словарная статья МАС представляет собой ассоциативное поле связанных со стимулом слов, оно – фрагмент системы, а цифровые показатели характеризуют это ассоциативное поле. Опираясь на терминологию А.В. Бондарко, определим такое поле как функционально-семантическое (ФСП), так как «термин ФСП выдвигает на передний план идею взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системно-структурной организации» [48. С. 22]. Для структуры поля характерно соотношение центра и периферии. Центр образуется высокой концентрацией признаков, характерных для данного явления, для периферии свойственно ослабление этих признаков. По мнению А.В. Бондарко, в основе каждого ФСП лежит определённая семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие. Инвариант нашего поля мы определим как степень удалённости/приближённости к ядру ассоциативного поля слова-стимула, а само это ядро интерпретируется нами как носитель способности притягивать другие слова по формально и/или формально-семантическому признаку.

Исследовать ассоциативное поле возможно с точки зрения тождества/различия формально-семантических соотношений, учитывая формальную удалённость ассоциаций от ядра поля, генетическую удалённость, семантическую общность ассоциаций.

Формальная удалённость от ядра поля предполагает большую или меньшую мутацию звуковой оболочки слова (МУРАВЕЙ – МУРАВЕЙНИК, МУРАШ, МУРАВА, МУРАВУШКА...).

С точки зрения генетики мотивационных отношений может быть сохранена истинная этимология или создана новая (ложная) этимология. В последнем случае мотивационные отношения выступают не как средство проникновения в историю слова, а как конечный результат процесса синхронной мотивизации – компонента семантизации мотивата при его восприятии. Здесь уже представлено не генетическое объяснение, а функциональное, обусловленное системными языковыми отношениями. Например, существительное ДЫМКА представляется производным от существительного ДЫМ. Но слово было заимствовано из турецкого «*dimi*») как обозначение лёгкой прозрачной ткани, а развитию другого значения способствовала звуковая близость (исторически случайная) со словом ДЫМ, к которому оно как бы примкнуло и словообразовательно. На первый план в связи с этим выступило первоначально вторичное переносное значение «лёгкая, похожая на дым застилающая пелена чего-либо».

По-видимому, можно говорить о сильном влиянии на мотивацию именно формальной стороны, которая нередко выступает в роли «пускового механизма». Но всё же решающую роль в этих процессах и в окончательном установлении мотивационно-ассоциативных отношений играет семантика, хотя авторы «Словаря морфем русского языка», например, отказывают семантике в способности морфемно структурировать слово, основываясь на том, что факт значения может быть использован только как источник догадок [49. С. 9]. Действительно, установление мотивационно-ассоциативных отношений предполагает особое субъективное видение предмета, но нельзя не учитывать стремление языкового сознания к максимально полному и точному обеспечению формальных сближений, например: ПРОМОЗГЛЫЙ – такой, который пронизывает до МОЗГА; делать ВПОПЫХАХ, т.е. делать что-либо сгоряча, ПЫХТЯ, ЗАПЫХАВШИСЬ; катиться КУБАРЕМ – катиться как КУБИК, КУБОМ, т.е. неловко. Поэтому в большинстве словарных статей МАС формально-семантические ассоциации доминируют как над чисто формальными, так и над чисто семантическими ассоциациями.

Мы полагаем, что данные, представленные в МАС, откроют новые перспективы для исследования мотивационных процессов, поэтому МАС, возможно, будет полезен лингвистам-исследователям, специалистам по дериватологии, этимологии, ономастиологии, семасиологии и всем тем, кто в своей деятельности учитывает выразительные возможности слова (в школьном преподавании и изучении орфографии русского языка, при формировании эстетического отношения к слову, исследовании художественной речи, в публицистике, при создании рекламных текстов и др.).

Необходимость развития мотивологических исследований предполагает усиление момента разнообразия установок на ассоциативную деятельность, связанную с формальным планом. В этой ситуации можно использовать разные стратегии ассоциирования, каждая из которых способна актуализировать те или иные грани мотивационно-ассоциативной деятельности. Возможная постановка задачи – сформулировать значение слова, фиксируя выходы мотивировочного признака в дефинициях носителей языка, например интересны более «сильные» в метязыковом отношении вопросы: почему так, а не иначе названо явление, обозначаемое слово. Это позволило бы актуализировать метязыковой компонент мотивационного сознания, выделить корень слова, указать слово, от которого образовано данное слово, или, наконец, найти родственные слова. В установке для сбора материала МАС избрана стратегия «наиболее произвольного» ассоциирования, ещё не связанного напрямую с морфемным уровнем (хотя и не исключаяющего его «задействование»). Многие ассоциаты лишь предвосхищают морфемы, намечают структуру слова и тем самым фиксируют начальный этап формирования внутренней формы слова как знака единства его звучания и значения в актах восприятия слова (о попытках актуализировать внутреннюю форму через ассоциации по форме в актах продуцирования речи см. в нашей работе «Динамический аспект лексической мотивации» [12], раздел «Роль смысловых ассоциаций в выборе мотивата»). Расширение установочной базы ассоциирования значительно осложняет картину выхода – она становится более пестрой. Тем не менее во всей совокупности установок полученные поля слов-ассоциатов дают первоначальную базу для выработки методики (методик) выявления мотивационных ассоциаций и их описания на конкретном и обобщающем уровне.

Наиболее перспективными представляются следующие параметры описания мотивационно-ассоциативных полей слов-стимулов:

- 1) соотношение формально-семантических, формальных и неформальных (собственно семантических) ассоциатов;
- 2) пестрота / кучность реакций;
- 3) характер вариативности ассоциатов по отношению к слову-стимулу по форме и по семантике, степень их мутации;
- 4) количество отказов;
- 5) количество описательных выходов;
- 6) соотношение более простых и более сложных, предполагающих несколько ассоциативных ступеней, ассоциатов по сравнению со словом-стимулом;
- 7) соотношение с реальной мотивацией (этимологией), приближенность их к народной этимологии;
- 8) соотношение узуальных или окказиональных народноэтимологических переосмыслений;
- 9) частотность выхода;
- 10) соотношение реальных и искусственных слов-ассоциатов;
- 11) локальная прикреплённость ассоциаций.

Совокупность всех характеристик даёт исчерпывающее описание мотивационно-ассоциативного потенциала каждого слова-стимула.

Конкретизация такого описания может осуществляться по линии выявления мотивов того, а не иного выхода (например, через включение на втором этапе эксперимента прямого вопроса: случайно или нет возникла ассоциация?). Возможно разделение вариантов эксперимента с установками на немедленную реакцию или – напротив – на определённое осмысление. В дальнейшем возможна ещё большая конкретизация модели мотивационно-ассоциативной деятельности, например по линии дифференциации (возрастной, образовательной и т.д.) испытуемых, по линии варьирования установок (перечень их дан выше) и тем более конкретных примеров-аналогий и т.п. В данный момент исследование мотивационно-ассоциативной деятельности находится на стадии обоснования самого наличия такой деятельности вообще и её значимости для языка и речи, её релевантности в языковом сознании совокупного носителя русского языка.

Литература

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект): учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.
2. Блинова О.И. Явление мотивации как отражение лексических связей слов // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988. С. 71–78.
3. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
4. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.
5. Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. №1 (5). С. 5–13.
6. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
7. Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Т. 1–2 / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982.
8. Мотивационный словарь сибирского говора. Т. 1–2 / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
9. Голев Н.Д. «Мотивационный диалектный словарь (говоры среднего Приобья)» (рецензия) // Изв. Сиб. отд-ние АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1982. Вып. 1. С. 62–63.
10. Голев Н.Д. Лексикографические аспекты изучения обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. 3. Кемерово, 2010.
11. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слова: дис. ...канд. филол. наук, Томск, 1995.
12. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
13. Голев Н.Д. Функции мотивизации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. Томск, 1972. С. 38–47.
14. Голев Н.Д. Функции эпидигматики в языке и речи (постановка проблемы) // Типы языковых парадигм: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 53–55.
15. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах / под ред. Н.А. Лукьяновой. Новосибирск, 1998. С. 9–20.
16. Голев Н.Д. Экспрессивное функционирование внутренней формы русского слова в тексте // Культура и текст. Литературоведение. Ч. 1 / под ред. Г.П. Козубовской. Санкт-Петербург; Барнаул, 1998. С. 3–12.

17. *Бабаева Е.В.* Внутренняя форма слова и концептологический подход к языку // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998. С. 126–134.
18. *Байрамова Л.К., Яппарова Р.С.* Внутренняя форма слов и их эвфемизация // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. / Казан. гос. ун-т, Филол. фак; под общ. ред. А.А. Аминовой, Н.А. Андрамоновой. Казань, 2003. С. 47–50.
19. *Бергельсон М.Б.* Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. М.: Унив. кн., 2007. 320 с.
20. *Беркетова З.В.* Мотивационные связи в лексике современного русского языка // Филол. науки. 2000. № 1. С. 69–78.
21. *Богданов С.И., Евтюхин В.Б.* Общесистемная мотивированность внутрисловных структур: (на материале рус. яз.) // Язык, культура, общество. Л., 1986. С. 11–25.
22. *Вайгла Э.А.* Мотивация и национальная специфика слова: (Опыт сопостав. изуч. предмет. номинации в рус. и эст. яз.) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та = Tartu Riikliku Ülikooli toimetised, 1988. Вып. 825. Тр. по рус. и слав. филологии. С. 132–144.
23. *Вовк Е.Б.* О межязыковой вариативности внутренней формы слова // Рус. яз. за рубежом. 1986. № 4. С. 70–73.
24. *Зубкова Л.Г.* Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1988. № 5. С. 55–62.
25. *Казкенова А.К.* Мотивированность заимствованного слова: (На материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 72–80.
26. *Колмина Е.В.* Мотивация как лингвистическое явление // Семантика и структура слова. Калинин, 1984. С. 59–65.
27. *Коняев А.В.* Когнитивные основания мотивационных отношений в лексике современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 22 с.
28. *Любимов Ю.В.* Природа ассоциации: структура словесной памяти и понятие ассоциативного значения // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
29. *Мечковская Н.Б.* Национально-культурные особенности внутренней формы слова // Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000.
30. *Муравлева Е.Н.* Роль внутренней формы в толковании этнореалий // Слово в динамике. Тверь, 1999. С. 70–78.
31. *Нифанова Т.С.* К страноведческой интерпретации понятия внутренней формы слова // Иностр. яз. в шк. 2004. № 6. С. 72–75.
32. *Пересыпкина О.Н.* Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка: (Лексикографический и теоретический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
33. *Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке : межвуз. сб. [науч. ст.].* Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1986. 207 с.
34. *Савенко (Филатова) А.С.* Роль внутренней формы слова в создании фрагмента языковой картины мира (на материале наименований растений русского и английского языков) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2007. Вып. 2. С. 34–38.
35. *Четыркина И.В.* Внутренняя форма слова : ист.-культурол. аспекты на материале рус. и нем. яз. X–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996. 24 с.
36. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию: Курс общей лингвистики. М., 1977.
37. *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
38. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
39. *Голев Н.Д.* О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Изв. Алт. гос. ун-та, №2: Сер. филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. 1996. С. 7–11.
40. *Лесной С.* Откуда ты, Русь. Ростов, 1995.
41. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
42. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1. М., 1958.
43. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1988.
44. *Эйгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. М., 1990.

45. Бибихин В.В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. М., 1978.
46. Русский ассоциативный словарь / под. ред. Ю.Н. Караулова. Т. 1–2. М., 1994.
47. Брудный А.А. Пути и методы экспериментальных семантических исследований // Теория речевой деятельности. М., 1968.
48. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
49. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.